

Морщинский Владислав Сергеевич

ЭМОТИВНАЯ СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВОВ В ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА

Данная статья посвящена лингвокультурологическому исследованию особенностей функционирования цветообозначений в произведениях Л. Н. Андреева. Автор работы ставит своей целью выявление функций цветоименований в индивидуальной авторской картине мира. В ходе проведённого анализа установлено, что цветообозначения, функционирующие в исследуемых произведениях Л. Н. Андреева, выполняют символическую функцию и в рамках символического противопоставления реализуют свое особенное эмотивное наполнение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 118-122. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 5-40.
2. Бабайцева В. В. Словосочетания типа все новое, что-то новое, ничего нового // Избранное. 2005-2010: сборник научных и научно-методических статей / под ред. К. Э. Штайн. М.: Ставрополь, 2010. С. 193-201.
3. Маринченко И. А. Структурно-семантические особенности афоризмов с местоимением «ничто» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 3. С. 117-121.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.02.2017).
5. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
6. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 609 с.
7. Падучева Е. В. Отрицание // Большой энциклопедический словарь: Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 354-355.
8. Порошина А. М. Меональность русской речи [Электронный ресурс] // Вестник Омского государственного университета. 2012. № 1 (63). С. 47-49. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/meonalnost-russkoj-rechi> (дата обращения: 27.02.2017).
9. Пузыренко М. В. Сложноподчиненные предложения с соотносительным словом «такой» в языке современной прозы // ФИЛОЛОГОС. 2014. № 2 (21). С. 82-87.
10. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
11. Серл Дж. Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). С. 179-202.
12. Фигуровская Г. Д. Предложения референциального тождества с функцией номинации // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов / отв. ред. О. В. Шаталова; ред. колл.: В. В. Леденёва, Т. М. Фадеева, Е. Д. Звукова. М., 2016. Вып. IV. С. 292-299.
13. Фигуровская Г. Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозициональных предложений). М.: Прометей, 1996. 204 с.
14. Холманских Ю. С. Репрезентация ничто в текстах поэтов-метафизиков: когнитивно-семиотический аспект: дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2015. 162 с.
15. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл: классы русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Российская академия наук, Отделение лит. и яз., Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
16. Шигуров В. В. О безлично-предикативной транспозиции местоимений в русском языке [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2011. № 12. С. 150-155.
17. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
18. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». 2-е изд-е. Красноярск: КГУ, 1994. 54 с.

MEANS OF CONCRETIZING REFERENTIAL SEMANTICS OF PRONOUNS IN COMPLEX SENTENCE

Marinchenko Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Far Eastern Federal University (Branch) in Ussuriisk
 irmarinchenko@yandex.ru

In this article the study of reference problems is transferred to the plane of consideration of pronominal syntagmas functioning. As the object of study the author chooses pronominal phrases in the main part of the complex sentence with the pronominal subordinate clause. Typical relationships between the pronominal group and the subordinate part are described. The application of the term "quasi-complex" to the structures under analysis is considered.

Key words and phrases: pronoun; reference; negation; complex sentence; identity.

УДК 81

Данная статья посвящена лингвокультурологическому исследованию особенностей функционирования цветообозначений в произведениях Л. Н. Андреева. Автор работы ставит своей целью выявление функций цветоименований в индивидуальной авторской картине мира. В ходе проведенного анализа установлено, что цветообозначения, функционирующие в исследуемых произведениях Л. Н. Андреева, выполняют символическую функцию и в рамках символического противопоставления реализуют свое особенное эмотивное наполнение.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурология; колоратив; цветоименование; цветообозначение; эмотивная лексика; экспрессионизм.

Морщинский Владислав Сергеевич

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
 vmorsinskij@gmail.com

ЭМОТИВНАЯ СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВОВ В ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА

Можно с уверенностью сказать, что одним из самых малоизученных аспектов творчества Л. Н. Андреева является проблема колоративов в его произведениях. Необходимость её изучения важна не только для углубления

понимания художественного мира писателя, но и для изучения некоторых теоретических аспектов функционирования цвета в художественном тексте. Необходимость дальнейшего углубления понимания эстетики цвета в художественных произведениях невозможно недооценить. Проблема цвета при этом не является собственностью исключительно гуманитарных наук. Отмечаем, что проблема цветового спектра волнует ученых самых разных направлений.

Важно то, что, только учитывая синтетическую сущность проблемы, мы сможем установить сам метод исследования. Необходимо принимать во внимание огромное количество разных факторов, которые часто не замыкаются на какой-то одной отрасли лингвистики. Поэтому мы предлагаем использовать лингвокультурологический метод в данном исследовании, так как именно он позволяет взглянуть на эту проблему сразу с нескольких точек зрения.

В тексте художественного произведения цвет обладает рядом особых характеристик, среди которых можно выделить самые основные: изобразительность, символичность и знаковость. Особый интерес для нашего исследования представляет эмотивный аспект употребления цветообозначений. Эмоциональность пронизывает всю речевую деятельность человека. Она занимает огромное место и в художественном мире писателя. «Эмоции – реакции <...> на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствительности и переживаний» [6, с. 1078].

Существует огромное количество лингвистических теорий, касающихся сущности эмоций в художественном тексте. Профессор В. И. Шаховский считает, что «выражение эмоций – это непосредственная коммуникация самих эмоций, а не их обозначение, их языковое проявление» [10, с. 96]. Согласно данной концепции, лексика, называющая и описывающая эмоции, рассматривается как ассоциативно-эмотивная, то есть содержащая идею об эмоциях. Мы считаем, что многочисленные колоративы, присутствующие в творчестве Л. Н. Андреева, несут в себе определенную эмотивную семантику и служат определенным художественным целям.

XX век оказался переломной эпохой в истории европейской цивилизации. Начало столетия стало решающим для воцарения жутких тоталитарных режимов, установившихся в результате кровавых переворотов и гражданских войн. Трагические события этой эпохи также внесли свою лепту в творчество писателя. Л. Н. Андреев был одним из тех, кто заметил эти страшные и необратимые изменения. Тяготая к эстетике экспрессионизма, ставшей популярной как раз на заре нового века, Леонид Андреев насыщает свое произведение многочисленными колоративами, которые зачастую несут в себе глубокий символический смысл.

Именно с помощью цветоименований Л. Н. Андреев синтезирует многохромную художественную реальность, в которой особую роль играют красный, черный, белый, серый и желтый цвета. При этом наиболее насыщенными являются красный и черный. Менее богат оттенками белый цвет. На цветовую периферию вынесены желтый и серый. Кроме того, нами было отмечено большое количество колоративов, помогающих автору выстроить свой самобытный художественный мир.

В контексте изучения особенностей цветоименований нами были проанализированы повести «Жизнь Василия Фивейского» (1903), «Красный смех» (1904), «Иуда Искариот» (1907), а также рассказы «Бездна» (1901), «Стена» (1901), «Вор» (1904), «Губернатор» (1905), «Полет» (1913). Посредством сплошной выборки из указанных текстов нами было обнаружено около 500 контекстов, в которых употребляются цветоименования. В процессе их непосредственного анализа выявлены особенности и роль колоративов в трудах Андреева. В качестве конкретных примеров использования колоративов и их эмотивных особенностей приведем рассказы «Губернатор» и «Стена» и повесть «Жизнь Василия Фивейского».

Рассказ «Стена» открывается безжизненным пейзажем, будто настраивающим читателя на нужное восприятие рассказа. Уже тут мы можем наблюдать, насколько важны здесь цветообозначения: *И наша половина неба была **буро-черная**, а к горизонту темно-синяя, так что нельзя было понять, где кончается **черная** земля и начинается небо* [1, с. 59].

Бесконечная, до горизонта, равнина пересекается гигантской стеной – центральным образом произведения и главным препятствием для его действующих лиц: *Она <...> мигала огненными страшными глазами, озарившими **черные** бездонные пропасти, мрачную стену...* [Там же, с. 61].

В повести «Жизнь Василия Фивейского» символическая значимость черного цвета выражает себя наиболее полно. Сам по себе черный цвет подается здесь, как и в большинстве других произведений автора, в мрачном эмотивном русле. Глаза черного цвета почти всегда являются символом закрытости человека, его непознаваемости в творчестве Л. Н. Андреева. Глаза о. Василия *были маленькие, ввалившиеся, **черные**, как уголь, и ярким светом горел в них отразившийся небесный пламень* [2, с. 491]. Его глаза – *два **черных** пятна* [Там же, с. 500], в которых невозможно ничего разглядеть, они как будто глядят не вовне, а внутрь, и *кто бы ни видел его, всякий спрашивал себя: о чем думает этот человек* [Там же, с. 504].

О. Василий резко не похож на окружение именно своей чернотой. Собственная дочь видит его *огромным и **черным*** [Там же, с. 509]. Мрак в фигуре о. Василия вызывает у Ивана Порфирыча настоящий ужас: *На него смотрели бездонно-глубокие глаза, **черные** и страшные, как вода болота, и чья-то могучая жизнь билась за ними, и чья-то грозная воля выходила оттуда, как заостренный меч* [Там же, с. 546].

В рассказе «Губернатор» тоже присутствуют описания глаз героев: *...глаз, выбитый пулей, неестественно и глубоко **чернел** и плакал чем-то **черным**, похожим в темноте на деготь* [1, с. 102]. Состояния героя также очень часто связаны цветовым наполнением произведения: *...каждый раз, очнувшись от глубокой думы, он чувствовал так, как будто пережил он в эти часы бесконечно долгую и бесконечно **черную** ночь* [Там же, с. 116].

Красный цвет тоже является достаточно частотным в повести «Жизнь Василия Фивейского». В произведении это цвет угрозы, крови, насилия: *Все высокие стрельчатые окна <...> и в них смотрело медно-красное, угрожающее небо* [2, с. 531]. Даже лица выглядят зловеще: *...свечи <...> бросали на лица красноватые отсветы...* [Там же, с. 536].

Красный довлеет и над персонажами в рассказе «Губернатор». Всюду губернатор видит следы своего злодеяния: *...треугольник белой стены, как кровью окропленный красными листьями дикого винограда* [1, с. 118].

В рассказе «Стена» мы можем увидеть пример использования авторского значения красного цвета: *Она <...> мигала огненными страшными глазами, озарившими черные, бездонные пропасти, мрачную стену...* [Там же, с. 61]. При этом эмотивная основа цветообозначения остается связанной с угрозой или насилием.

Белый цвет в повести «Жизнь Василия Фивейского», как и в рассказе «Губернатор», является важным эмотивным символом, вызывающим у читателя определенный мрачный настрой. Белый цвет в «Жизни Василия Фивейского» в первую очередь связан с образом попадьи. После смерти их сына белый цвет начинает преобладать в ее образе: упоминается ее рука, как мраморная: *белая и тяжелая* [2, с. 490], *белые пальцы, озаренные ярким светом лампы* [Там же, с. 497], а в финале произведения лицо ее превращается в *сплошной белый пузырь* [Там же, с. 526].

«Губернатор» открывается сценой казни восставших: *выплыли белые пятна лиц...* [1, с. 102]. Белый цвет ассоциируется с массовым убийством, устроенным губернатором: *...неподвижно стоит окаменевший, изваянный образ: взмах белого платка, выстрелы, кровь* [Там же, с. 105].

Редкие представители человечества в рассказе «Стена» представлены более «живыми» цветами: *Я обнимал ее, а она смеялась, и зубки у нее были беленькие, и щечки розовенькие-розовенькие* [Там же, с. 62].

Голубой или синий цвета у Л. Н. Андреева всегда семантически наполнены. В творчестве голубой цвет всегда выступает как некое благо или надежда. В повести «Жизнь Василия Фивейского» голубой несколько раз встречается в описании пламени лампы как некоего неземного, божественного и в тоже время хрупкого света и достигает смысловой глубины в финале повести, когда о. Василий бежит к *голубой полоске* [2, с. 520], светящейся на западе. Видим, что полоска голубого цвета в повести выступает как своеобразная возможность побега из бесконечной спирали горя и боли мрачной реальности произведения.

Единственным персонажем, сочувствующим губернатору из одноименного рассказа, является молодая гимназистка. Она жалеет убийцу и периодически присылает ему письма, полные сострадания и надежды: *Небольшой листок был также нежно окрашен, и наверху была голубая незабудка* [1, с. 139].

Синий как вариация голубого цвета в рассказе «Стена» также связан с небом – символом недоступного для героя покоя: *И наша половина неба была буро-черная, а к горизонту темно-синяя, так что нельзя было понять, где кончается черная земля и начинается небо* [Там же, с. 59].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова мы имеем следующие толкования слов-цветонаименований, наиболее частотных для произведений Л. Н. Андреева.

«Красный – 1. Цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака. К. галстук (пионерский). 2. полн. ф. Относящийся к революционной деятельности, к советскому строю, к Красной Армии. 3. Употр. в народной речи и поэзии для обозначения чего-н. хорошего, яркого, светлого. К. денек. Долг платежом к. (посл.). 4. полн. ф. Употр. для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-н. (спец.). К. рыба (осетровые). 5. красный, -ого, м. Сторонник или представитель большевиков, их революционной диктатуры, военнослужащий Красной Армии. *Красная Армия – название советской армии в период 1918-1946 гг. и т.п.» [8, с. 401].

«Черный – 1. Цвета сажи, угля. Ч. краска. 2. Очень темный, в противоп. чему-н. более светлому. Ч. хлеб. 3. В старину: курной. Ч. изба. 4. Перен. Мрачный, безотрадный, тяжелый. Ч. мысли. 5. Перен. Преступный, злостный. Ч. измена. 6. Не главный, подсобный. Ч. ход. 7. Физически тяжелый и неквалифицированный. Ч. работа. 8. Принадлежащий к эксплуатируемым классам общества. Ч. народ. 9. В Древней Руси: государственный. Ч. земли» [Там же, с. 1180].

«Белый – 1. Цвета снега или мела. Противоп. черному. Б. флаг. 2. Светлый. Б. вино. 3. Перен. Контрреволюционный. Б. гвардия. 4. Со светлой кожей» [Там же, с. 56].

«Голубой – 1. С окраской небесного, светло-синего цвета. Г. глаза. 2. Притворно-наивно сказать что-либо (На голубом глазу)» [Там же, с. 180].

Далее в «Русском ассоциативном словаре» обнаруживаем следующие реакции на слово *красный*: «флаг (15); свет (11); цвет (8); галстук (7); помидор (4); квадрат (3); нос (3); перец (3); шар (3); белый (2); комиссар (2); петух (2); светофор (2/1); автобус (1); <...> яркий (1)» [9, с. 275].

В случае с *черным* цветом: «белый (75); кот (72); кофе (42); день (39); цвет (35); ворон (23); хлеб (9); квадрат (8); негр (6); ящик (6); ночь (5); темный (4); ход (4); шар (4); глаз (3); дым (3); конь (3); красный (3); волос (2); дом (2); дьявол (2); <...> апрель (1)» [Там же, с. 432].

Белый: «снег (127); черный (49); цвет (27); Бим (19); аист (18); пудель (15); лист (14); свет (11); заяц (10); чистый (10); медведь (9); клык (8); красный (7); конь (6); Андрей (5); дом (5); гриб (4); серый (3); альбинос (2); билет (2); кот (2); айсберг (1); <...> яблоня (1)» [Там же, с. 520].

Голубой: «цвет (68); небо (48); шар (43); синий (24); мальчик (21); вагон (13); экран (12); автобус (1); <...> ясный (1)» [Там же, с. 302].

Синий: «туман (12); цвет (12); небо (8); иней (6); автомобиль (1); <...> шар (1)» [Там же, с. 446].

Судя по реакциям, на первый план выступает именно цветовое значение. Мы выявляем некоторые расхождения между этнокультурной и индивидуально-авторской картинами мира. Красный цвет в художественной картине мира автора лишен положительной коннотации и соотносится в большей степени

с концептуальным полем «Смерть», нежели с полем «Жизнь». В то же время обнаруживается влияние на авторское мировоззрение религиозной культуры. Так, известно, что синий (голубой) в христианской культуре символизирует небо, является цветом вечности, знаком смирения, благочестия, выражает идею самопожертвования и кротости, в то время как красный цвет мог символизировать несправедную кровь, ад [3, с. 89], что находит отражение в авторском дискурсе.

Наряду с номинациями красного цвета, активно используется писателем прилагательное *черный*, символизируя картину распада и запустения. Черный у Л. Н. Андреева – это цвет рока, неизбежности. Черный цвет проникает в образы персонажей, в описание природы, становится постоянным спутником, предвестником смерти.

Известно, что черный в христианской культуре – это традиционный цвет зла, греха (красный в определенных ситуациях также символизировал грех – несправедную кровь), дьявола и ада, а также смерти. В символических значениях черного у индоевропейцев, как и у первобытных народов, сохранился и даже развился аспект «ритуальной смерти», смерти для мира [5, с. 124]. Отражение данной традиции в реализации обозначенной символики мы обнаруживаем и в произведениях Л. Н. Андреева: *...я вишу в воздухе над черной пропастью безумия...* [2, с. 184].

Жизнь ассоциируется у автора с *белым* цветом и оттенками *серого*, что, например, проявляется в символическом употреблении прилагательного *седой*. Известно, что *белый* в традиционном богословии – это символ святости, чистоты и духовности. Важным представляется такое религиозно маркированное значение белого цвета, как чистота и непорочность, освобождение от грехов, а следовательно, вечная жизнь, то есть не сама смерть, а то, что, по мнению христиан, должно следовать за ней [4, с. 99].

В произведениях Л. Н. Андреева также проявляется индивидуально-авторская специфика в символическом наполнении обозначений белого цвета. Эту особенность как характерную для раннего творчества писателя отмечает в своей статье и Е. А. Копысова. Во всех рассмотренных примерах *белый* цвет несет на себе отрицательную экспрессию, и нет ни одного примера, где бы *белый* цвет соответствовал традиционному значению: ясный, светлый, чистый [7, с. 75].

В целом нами было проанализировано 522 контекста, в которых употребляется колоративная лексика. Информативным оказывается соотношение цветообозначений и их частотность в произведениях писателя: репрезентанты белого цвета составили около 100 словоупотреблений (*белый, бледный*), серого (*серый, седой, серо-пепельный, зеленовато-серый, исчерна-седой*) – 22, красного (*красный, кровавый, огненный, багровый, огнистый, золотисто-красный, огненно-рыжий, медно-красный*) – 61, черного (*черный, темный, бурочерный, ясно-черный, мрачный*) – 239, синего (*синий, голубой, темно-синий, светло-голубой*) – 74, желтого (*желтый, золотой*) – 26 словоупотреблений.

При этом наименования белого (*белые волосы, зубы*), красного (*огонь, кровь, смех*), желтого (*цвет золота и мертвой плоти*) и синего цвета (*символ спокойствия и – одновременно – безучастности небес*) амбивалентны и соотносятся в произведениях писателя как с концептуальным полем «Жизнь», так и с полем «Смерть». Наименования черного и серого цвета в своем символическом употреблении соотносятся с полем «Смерть» (символ отчаяния и отсутствия света).

В целом количественное соотношение колоративных репрезентантов полюсов оппозиции ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ в произведениях Л. Н. Андреева оказывается следующим: ЖИЗНЬ – 187 колоративных словоупотреблений, СМЕРТЬ – 335, что позволяет сделать вывод о том, что в творчестве Л. Н. Андреева, помимо сюжетной линии, выстраивается символическая перспектива, которая реализуется посредством противопоставления колоративной лексики. В качестве промежуточного вывода мы можем сказать, что возникает своеобразная контекстуальная антонимия. В случае с произведениями Л. Н. Андреева мы видим индивидуально-авторскую оппозицию, которая, однако, по прошествии времени получит внешнюю, экстралингвистическую мотивационную основу.

Интересен тот факт, что равное количество слов-колоративов, соотносимых с полюсами анализируемой оппозиции, которая реализуется в рассказе «Стена», создает своеобразный баланс проявлений жизни и смерти в произведении, однако такой баланс оказывается при этом символически напряженным противопоставлением (противостоянием), что детерминирует особый трагизм рассказа. Данная особенность рассказа «Стена», по нашему мнению, несколько не мешает выстраиванию символической эмотивной колоративной лексики по принципу неравной оппозиции, а, скорее, углубляет это противостояние.

Таким образом, трагический пафос художественных произведений писателя значительно усиливается с помощью реализации ключевой оппозиции *жизнь – смерть*, символически развернутой в теле его произведений. Все это убеждает нас в том, что Л. Н. Андреев, используя в своих произведениях цветообозначения, добивается глубокого эмоционального погружения читателя в свои произведения. Колоративы в его творчестве выполняют роль значимого языкового средства, служащего для реализации авторских установок и репрезентации его художественного мировидения.

Список источников

1. Андреев Л. Н. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Богданова. М.: Советская Россия, 1988. 336 с.
2. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. / редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; сост. и подгот. текста Е. Жезловой; коммент. А. Богданова. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. Рассказы. Пьесы. 1904-1907. 559 с.
3. Брагина А. А. Красный, серый, голубой // Русский язык за рубежом. 1976. № 2. С. 89-91.
4. Василевич А. П. Категоризация цветоименований в английском, болгарском, русском и сербохорватском языках // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М.: Наука, 1985. С. 94-109.

5. **Василевич А. П.** Основные цветоименования // Тезисы VII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Наука, 1982. С. 124-125.
6. **Ефремова Т. Ф.** Современный толковый словарь русского языка: 3-х т. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 2. 1168 с.
7. **Копысова Е. А.** Особенности цветописи в раннем творчестве Л. Андреева // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. Серия: История и филология. 2006. № 5: в 2-х ч. Ч. 2. С. 73-78.
8. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: ок. 60000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 25-е изд-е, испр. и доп. М.: Оникс, 2007. 1328 с.
9. **Русский ассоциативный словарь:** в 2-х т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ; Астрель, 2002. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. 784 с.
10. **Шаховский В. И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. 208 с.

EMOTIVE SEMANTICS OF COLOUR TERMS IN L. N. ANDREYEV'S PROSE

Morshchinskii Vladislav Sergeevich
Belgorod National Research University
vmorsinskij@gmail.com

The article is devoted to linguo-culturological study of the peculiarities of colour term functioning in L. N. Andreyev's works. The paper aims to identify the functions of colour terms in author's individual worldview. According to the analysis, the colour terms used by L. N. Andreyev perform symbolic function and within the framework of symbolic opposition realize their own emotive content.

Key words and phrases: linguo-culturology; colour term; colour name; emotive vocabulary; expressionism.

УДК 81.42; 81.44

Статья посвящена рассмотрению языковых особенностей подписей А. П. Чехова в письмах, написанных писателем в период 1890-1892 гг. Проводится анализ чеховских подписей по структуре, по типу адресатов и по месту написания писем. По структуре выделяются простые и сложные подписи. В чеховской корреспонденции наблюдается преобладание развернутых подписей над простыми. Для выявления особенностей подписей в письмах Чехова к определенному типу адресата было проведено описание двух циклов – писем к Л. С. Мизиновой и к Ал. П. Чехову. Чеховские подписи бывают разными также по месту пребывания их автора – на Сахалине, во Франции и в Италии.

Ключевые слова и фразы: подписи; структура; тип адресатов; место; письма Чехова; авторские подписи.

Нгуен Тхи Ле Куен

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Ханойский университет, Вьетнам
lequyen13@gmail.com*

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДПИСИ В ПИСЬМАХ А. П. ЧЕХОВА

Этикетная рамка одного письма строится с помощью его зачина и концовки. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» зафиксировано, что «концовка письма содержит слова прощания, просьбы, пожелания, подпись, приписки» [6, с. 629]. По мнению Л. В. Алешиной, концовка частного письма может иметь поликомпонентную структуру, к элементам которой относятся: а) этикетные формулы прощания; б) перформативы; в) этикетные формулы передачи приветов родным или общим знакомым; г) этикетные формулы с интенцией пожелания всевозможных благ адресату (здравицы); д) этикетные формулы с интенцией побуждения к ответу; е) подпись; ж) постскриптум, приписки [1, с. 74].

Подпись является одним из обязательных или, как отмечает Л. В. Алешина, «условно-обязательных» элементов письма [Там же]. Как отмечает О. П. Фесенко, «подпись – это знак формального завершения эпистолярного общения» [7, с. 85].

Автор, подписывая письмо, осуществляет этикетную формулу в конце. Но следует отметить, что в немалых случаях, особенно в эпистолярных известиях известных людей, подпись – исключительно особенное явление. Посредством подписания писем, адресованных разным адресатам, авторы привлекают их внимание и тем самым вовлекают адресатов в дальнейшее эпистолярное общение. Как справедливо отмечает А. В. Курьянович, «подпись выполняет определённую функционально-прагматическую и смысловую нагрузку, характеризуя адресанта и его отношение к корреспонденту» [5, с. 116].

По мнению исследовательницы дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX в. – начала XX в. Н. И. Белоуновой, каждому дружескому письму свойственно «двуначалие» (или коммуникативно-прагматическая ось «Я-ТЫ»), которое эксплицитно выражено наличием начального обращения, указывающего на адресата писем, и подписи, маркирующей адресанта [2, с. 60].